

Право для народа: популяризация права в России на пороге XX века¹

Аннотация. В статье рассматриваются механизмы популяризации права, происходившей в России на рубеже XIX–XX вв. Автор устанавливает причины интереса, проявленного тогда представителями образованных слоев общества к вопросу о распространении юридических знаний среди широких народных масс. Особое внимание обращается на то, как вокруг нескольких выдающихся популяризаторов и издателей формируется ранее неизвестный сектор издательской деятельности. При этом подчеркиваются как внутренние противоречия, так и внешние ограничения просветительской деятельности в Российской империи. По мнению автора, отсутствие у многих авторов юридического образования, с одной стороны, и давление правительственной цензуры в разнообразных формах – с другой, обусловили преобладание на книжном рынке брошюр, содержащих разъяснение положений действующего законодательства и судебной практики без критического анализа. Более того, такой подход оставлял за скобками вопросы о понятии права и правах человека. Как следствие, он подвергся критике со стороны ведущих юристов, преимущественно либерального направления, которые разработали концепцию права и определили его место в российском обществе. Вместе с тем они объединили политические и правовые вопросы в дискурсе личных прав и свобод.

Ключевые слова: популяризация; интеллигенция; издательство; брошюра; правосознание; права; свободы; политическая партия; революция

После нескольких десятилетий подавления движений, оппозиционных самодержавию, русская революция 1905 года стала периодом необычайного освобождения политического слова. Освобождение не только предполагало возможность различных оппозиционных течений – либералов, наследников народничества или марксистов – предъявлять требования к царской власти. Оно также предоставило им уникальный шанс обратиться непосредственно к тем широким массам, составлявшим подавляющее большинство населения империи, которых образованные слои называли «народом».

Действительно, часть российской культурной элиты, известная как «интеллигенция», приверженная делу преобразования общества, видела свое предназначение в просвещении масс². Разумеется, такие «педагогические» амбиции имели

* Мишель Тисье – специалист по современной истории, доцент Университета Ренн 2 (Франция).

¹ Tissier M. Le droit pour le peuple: vulgariser le droit en Russie au tournant du XXe siècle // Bulletin de l'Institut Pierre Renouvin. 2004. No. 18. P. 83–103. Статья переработана автором для настоящего перевода. В опубликованный ранее на французском языке текст добавлены комментарии к использованной литературе, а также новые ссылки на источники. Автор благодарит редакцию журнала «Bulletin de l'Institut Pierre Renouvin» (Университет Париж 1 Пантеон-Сорбонна) за разрешение на осуществление перевода и публикации статьи, а также Университет Ренн 2 и исследовательскую группу TEMPORA за финансовую поддержку перевода.

Перевод с французского языка канд. юрид. наук, докторанта Университета Бордо В. А. Токарева (e-mail: basiletok@gmail.com).

² Противопоставление указанных категорий объясняется и конкретизируется Эбботом Глисоном, Уильямом Дж. Вагнером и Чарльзом Э. Тимберлейком в: Between Tsar and People. Educated Society and the Quest for Public Identity in Late Imperial Russia / ed. by Ed. W. Clowes, S. D. Kasow, J. L. West. – Princeton : Princeton University Press, 1991. О специфике взаимоотношений данной части элиты с крестьянами и ее оценке в историографии императорского периода см. подробнее: Burbank J., Ingerflom Cl. Paysans et intellectuels en Russie // Études rurales. – 1999. – No. 149-150. – P. 173–180 (интервью), а также Burbank J. Litiges civils et société dans la Russie rurale des années 1905–1917 // Genèses. – 2003. – No. 50. – P. 24–25.

предысторию. В начале XX столетия различные противники самодержавия, несмотря на расхождения во взглядах, как правило, черпали представления о необходимости воспитания народа из народнической традиции второй половины XIX века. Но либеральные уступки, на которые пошел режим, прежде всего проведя первые в империи всенародные выборы, сформировали новый контекст для педагогических амбиций интеллигенции, связанных с «народом». В 1905–1906 гг. распространялись брошюры, адресованные самой широкой аудитории, на такие разнообразные темы, как форма политического режима, аграрный вопрос, рабочее движение или национальные проблемы. Эти брошюры издавались немислимыми до того времени тиражами. Они распространялись по всей империи, особенно в центральных регионах, книгоиздателями, зачастую связанными с новыми политическими движениями³.

При такой издательской мобилизации, обусловленной революционным контекстом, тема личных прав и свобод особенно наглядно обнаруживает «педагогическую» ориентацию российских авторов и издательств на массы⁴. Данный процесс соответствовал тому значению, которое эта тема приобрела в политическом дискурсе. Так, требования личных прав и свобод занимают важное место, очень часто первое, в программах новых политических партий во время кампании по выборам в первую Государственную думу 1906 г. Для брошюр о правах человека характерно использование специального, иногда технического языка, даже если они адресованы наименее образованной аудитории. Тем самым терминология, используемая образованными слоями российского общества, выдвигавшими требования признания личных свобод («неприкосновенность личности», «свобода слова», «свобода совести» и т. д.), получала широкое распространение. В 1905–1907 гг. был составлен корпус текстов, более или менее доступных массовому читателю, где смешивались политическая пропаганда и популяризация юридических терминов, прежде всего связанных с личными свободами. Можно ли утверждать, что перед нами новое явление, характерное для революционного контекста? Принимая во внимание его масштабы, ответ очевиден. Однако, как показывает анализ предыстории такой литературы, она продолжает традиции жанра, который появился задолго до революционных событий 1905 г., когда тема личных прав и свобод, а также общая концепция права были публично представлены противниками самодержавия в качестве основного политического вопроса⁵. Действительно, уже в конце XIX столетия авторы и издательства занимались «популяризацией» права и юридической терминологии, но не осмеливались поставить вопрос об их политическом значении.

³ Издание в революционный период политических трудов в широком смысле – объект количественного исследования Н. А. Рубакина (см.: Рубакин Н. А. Книжный прилив и книжный отлив // Современный мир. – 1909. – № 12. – С. 3–4). Он подчеркивает преобладание брошюр над более объемными изданиями и отмечает, что в 1905–1907 гг. ежегодный тираж политико-экономической литературы составлял примерно 70 миллионов экземпляров, то есть практически равнялся общему тиражу всех наименований за 1901 г. Ср.: Люблинский С. Б. Книжное дело в годы первой русской революции (1905–1907 годов). – М.: Книга, 1974. – С. 9. Издательский бум рассматриваемой эпохи анализируется также в: Ferenczi C. Freedom of the Press under the Old Regime, 1905–1914 // Civil Rights in Imperial Russia / ed. by O. Crisp, L. Edmondson. – Oxford: Clarendon Press, 1989. – P. 195, 205.

⁴ Tissier M. Malaise dans la culture juridique libérale en Russie après 1905: « pédagogie des libertés » et éducation au droit // Cahiers du Monde russe. – 2007. – Vol. 48, No 2-3. – P. 185–208. Русский перевод: Тисье М. Кризис либеральной правовой культуры России после 1905 года: «педагогика свобод» и юридическое просвещение // Вестник Гуманитарного университета. – 2020. – № 1 (28). – С. 40–60.

⁵ См. также: Тисье М. Какое юридическое просвещение нужно в России? Переход от популяризации права к популяризации гражданских прав около 1905 года // Неприкосновенный запас. – 2005. – № 6 (44). – С. 57–63.

Цель настоящей статьи состоит в том, чтобы, с одной стороны, описать механизмы расцвета популяризации права, с другой – показать, как связанные с ним духовные и политические проблемы все чаще обсуждались в период, предшествовавший Первой русской революции. Сначала мы рассмотрим причины интереса, проявленного на рубеже XIX–XX веков представителями интеллигенции к вопросу о праве и распространению юридических знаний среди масс. Затем мы покажем, как вокруг нескольких главных действующих лиц сформировался ранее неизвестный сектор издательской деятельности – «популяризация права», – заключающий в себе противоречия, позволяющие составить представление о его ограниченности. Наконец, мы увидим, как профессиональные юристы стали критиковать эту литературу, предвосхищая обстоятельную дискуссию периода революции 1905 года по поводу той роли, которая должна отводиться праву в российском обществе.

1890-е годы: аспекты вопроса о праве в меняющейся России

Россия 1890-х гг. переживала интенсивную индустриализацию, повысившую уровень мобильности населения, способствовавшую созданию национального рынка и разрушившую социальную структуру традиционного общества «старого порядка». При этом экономические и социальные преобразования, связанные с развитием капитализма и ростом численности так называемого рабочего класса, сопровождаются культурными изменениями. Историки установили, что в конце XIX – начале XX в. уровень грамотности населения Российской империи существенно повысился благодаря одновременному расширению возможностей для поступления в школу и возрастанию спроса на начальное образование как в городах, так и в сельской местности⁶. Именно на фоне этих глубоких преобразований возникает интерес общественности к праву и его месту в российском обществе.

Происходившие перемены способствовали возобновлению дискуссии по данному вопросу после того, как реформы 1860-х гг. поставили в центр внимания взаимосвязь между законом и обычным правом. Действительно, освобождение крепостных крестьян (1861 г.) и судебная реформа (1864 г.) институционализировали частичное разделение двух судебных систем. С одной стороны, существовало правосудие крестьян, выбиравших судей волостных судов для рассмотрения гражданских споров между крестьянами той же волости и некоторых мелких уголовных дел⁷. С другой стороны, остальное население России зависело от судов, действовавших в соответствии с французской или немецкой моделями. Такое разделение первоначально приветствовалось значительной частью интеллигенции, полагавшей, что легитимность самостоятельного вида судопроизводства, осуществляемого в сельской местности, обусловлена особенностями крестьянского мира. Однако данная структура постепенно стала подвергаться критике. Практика сельских судов широко критиковалась, поскольку избираемые крестьянами судьи зачастую оказывались некомпетентными, малоэффективными или коррумпированными. В конечном счете возобладало мнение о том, что отправление сельского правосудия деформировало «правосознание» крестьян вместо повышения его уровня⁸.

⁶ Анализ результатов охвата населения образованием в сельской местности представлен в работе: Eklof B. *Russian Peasant Schools. Officialdom, Village Culture, and Popular Pedagogy, 1861–1914.* – Berkeley : University of California Press, 1986. – P. 394–418.

⁷ О функционировании этой судебной системы в губерниях Центральной России начала XX в. см.: Burbank J. *Russian Peasants Go to Court: Legal Culture in the Countryside, 1905–1917.* – Bloomington (Ind.) : Indiana University Press, 2004.

⁸ О происхождении такого порядка и связанной с ним дискуссии см.: Frierson C. A. *Rural Justice in Public Opinion: The Volost' Court Debate, 1861–1912* // *Slavonic and East European Review.* 1986. – Vol. 64, No 4. – P. 529–538.

Поэтому в 1889 г. при проведении Александром III контрреформ возобладал принцип административной опеки над крестьянами. Тогда была учреждена должность земского участкового начальника, который наделялся административными и судебными полномочиями для осуществления надзора за крестьянской общиной. Впрочем, новые правила только спровоцировали поток критики со стороны интеллигенции, преимущественно либеральной, осуждавшей все то, что отстраняло «народ» от общего права вместо его интеграции в правовую и социальную жизнь общества. Росту критических настроений по отношению к произволу чиновников в сельской местности способствовало издание «Записок» Александра Новикова (1899 г.)⁹, бывшего земского начальника. В этой книге Новиков продвигает идею о том, что крестьянам нужен «не надзор, а развитие через образование»¹⁰. Отныне задача многих либералов и радикалов состояла в том, чтобы создать необходимые условия для формирования «гражданственности», объединяющей все слои населения. Разумеется, интеллигенция с отвращением относилась к опеке, осуществляемой администрацией над крестьянами, но сохранение отдельных судов для крестьян также рассматривалось некоторыми как препятствие на пути к поставленной цели¹¹.

В сложившейся ситуации либерально настроенные или сочувствующие народничеству представители элиты искали средства воспитания «народа», в том числе его правового просвещения, за пределами царской администрации. Николай Александрович Рубакин (1862–1946), видный в те годы библиограф и публицист, внимательно наблюдал за российской экономикой книжной торговли и ее проникновением во все социальные слои¹². Еще в 1903–1904 гг. он отмечал, как преобразился книжный рынок за последнее десятилетие, когда появился новый тип читателя – трудящегося на предприятиях крупных промышленных центров, выходящего из деревни, сохраняющего с ней связь. Таким образом, Рубакин констатирует распространение чтения и в сельской местности, за пределами промышленных зон. В целом он рисует картину российского книжного рынка, динамично развивающегося на рубеже XIX–XX вв. благодаря расширению читательской аудитории за счет тех слоев населения, которых уже не удовлетворяет традиционный ассортимент вроде календарей, религиозных книг и «народной»¹³ художественной литературы.

Независимо от того, насколько справедливо утверждение Рубакина, представители образованных классов, заинтересованные в просвещении «масс» и повышении уровня их «правосознания», полагали разумным воспользоваться возникшим у тех аппетитом к чтению и знанию, чтобы предложить им адекватную пищу. Работая в этом направлении, некоторые публицисты и писатели создают произведения, специально предназначенные для популяризации «права». Однако до революции 1905 года это стремление осуществить своего рода гражданское воспитание соотечественников, умеющих читать и писать, сдерживалось рамками, установленными для издательской деятельности царским правительством.

⁹ Новиков А. И. Записки земского начальника. – СПб. : Тип. М. М. Стасюлевича, 1899.

¹⁰ Цит. по: Frierson C. A. Op. cit. P. 540 («not control, but development through education»). По вопросу о «произволе» земских начальников см.: Gaudin C. *Les zemskie načal'niki au village: coutumes administratives et culture paysanne en Russie, 1889–1914* // *Cahiers du monde russe*. – 1995. – Vol. 36, No 3. – P. 252.

¹¹ Frierson C. A. Op. cit. P. 543–544.

¹² См.: Грин Ц. И. Статья Н. А. Рубакина «Книжный поток» и ее значение для изучения истории книги в России // *Книжное дело в России во второй половине XIX – начале XX века* : сб. науч. трудов. – 1992. – Вып. 6. – С. 9–10. Статьи Н. А. Рубакина опубликованы в журнале «Русская мысль» (1903. № 3, 12 ; 1904. № 4).

¹³ Исследуется в работе: Brooks J. *When Russia Learned to Read. Literacy and Popular Literature, 1861–1917*. – Princeton : Princeton University Press, 1985.

Конечно, основным ограничением была предварительная цензура, которой подвергались все непериодические издания. Но не следует забывать и про «рекомендации» государственных органов, в частности Министерства народного просвещения Российской империи, направленные на фильтрацию печатных изданий, распространяемых среди широкой общественности, особенно в библиотеках и читальнях. Ограниченная этими рамками, популяризация права в 1890-х гг. вызывала у читателей нечто большее, чем просто уважение к официальным правовым концепциям и положениям законодательства.

Формирование нового сектора издательской деятельности

Один из наиболее знаковых сборников рубежа XIX–XX вв., отражающий педагогические амбиции интеллигенции по отношению к «народу», озаглавлен «Что читать народу? Критический указатель книг для народного и детского чтения»¹⁴. Он составлен коллективом Харьковской частной женской воскресной школы, образцовой «воскресной школы» для взрослых в Российской империи, под руководством Христины Даниловны Алчевской (1841–1920). Три тома сборника, каждый из которых претендовал на всеохватность к моменту выхода в свет, издавались в течение двадцати лет с 1884-го по 1906 г. Они свидетельствуют об эволюции категорий, которые использовала значительная часть русской интеллигенции для классификации интересовавших ее тем, и о поэтапном формировании такого направления издательской деятельности, как популярная юридическая литература. Во втором издании первого тома, датированном 1888 г., последний из семи разделов посвящен книгам о «земском деле и народном хозяйстве». Очевидно, данное наименование указывает на важность институционального контекста, в который «ангажированная» элита 1880-х гг. вписывала свою политическую и общественную деятельность по преобразованию России и «объединению» с массами: речь идет об органах местного самоуправления, созданных реформами 1860-х гг., – земствах. Вместе с тем такой заголовок раздела как элемент оригинальной классификации книг для народного чтения выглядит «сырым» (*tâtonnante*) по сравнению с заголовками остальных шести разделов сборника: духовно-нравственный, литературный, естествознание, исторический, биографический, географический. Кроме того, на седьмой и последний раздел приходится менее 1 % книг, рекомендованных «народу»¹⁵.

Вышедший в 1906 г. третий том сборника оказался самым объемным. Подготовка этого тома затянулась почти на пять лет, поэтому, когда он появился на свет уже после революционных событий 1905 г., его содержание несколько устарело. Принимая во внимание начавшееся еще раньше расширение книжного рынка, перечень разделов третьего тома выглядит значительно богаче, чем предыдущих томов. Шесть названных выше классических разделов сохранились. К ним добавились пять новых разделов, посвященных популяризации науки и технологий, которые охватывают четверть всех рецензируемых в сборнике книг. Отметим среди них раздел «Популярно-юридическая литература» – на него приходится почти 5 % от списка рекомендуемой литературы¹⁶.

¹⁴ Что читать народу? Критический указатель книг для народного и детского чтения / сост. Х. Д. Алчевская и др. – Т. I. – СПб. : Тип. Т-ва «Общественная польза», 1884 (2-е изд. 1888); Т. II, 1889; Т. III, 1906.

¹⁵ Болезнь и смерть помешали ответственному за данный раздел барону Н. А. Корфу (1834–1883), активному участнику земского движения и автору учебных пособий, довести работу до конца.

¹⁶ Не считая двенадцатого раздела, посвященного изданиям на украинском языке (все направления). Кроме раздела «Популярно-юридическая литература», в третьем томе сборника появились «Отдел физики, химии и астрономии», «Отдел медицины», «Отдел ветеринарии и животновод-

Сравнение первого и последнего томов сборника «Что читать народу?» также указывает на изменение структуры двух наборов представленных в них публикаций. Краткая подборка заголовков, сделанная бароном Николаем Александровичем Корфом в начале 1880-х гг., включала в себя брошюры, посвященные, главным образом, деятельности крестьянских учреждений и обязанностям их местных руководителей (староста, избираемый сельским сходом; старшина, избираемый волостным сходом)¹⁷. Напротив, сборник, опубликованный в 1906 г., отличается значительно большим разнообразием заглавий: в нем также упоминаются книги о праве собственности, семейном и наследственном праве, налогах, налогообложении и т. д. Очевидно, что некоторые авторы специализировались на популяризации права, имея в своем активе несколько таких публикаций. Однако самую большую долю «рынка» популярной юридической литературы занимает ограниченное число издательств. Отбор книг для соответствующего раздела третьего тома, увидевшего свет в 1906 г., производился двумя разными авторами. Первый, Николай Петрович Дружинин, самый плодовитый популяризатор права, анализировал работы своих конкурентов. Второму, Валериану Николаевичу Ширяеву (1872–1937), профессиональному юристу, составители сборника, обеспокоенные односторонним подходом, поручили критиковать публикации самого Дружинина¹⁸, причем по рекомендации последнего, так как оба они были уроженцами Ярославля¹⁹.

Брошюры Дружинина образуют довольно последовательный ансамбль, разделенный Ширяевым на три категории в зависимости от их доступности читателям. Приводимые Ширяевым библиографические данные лаконичны, но дополнительное исследование позволяет установить, что из десяти книг Дружинина шесть опубликованы в одном издательстве, а именно – редакцией журнала «Детское чтение» и приложения к нему «Педагогический листок», адресованного учителям. Эти два журнала редактировал в то время педагог и теоретик образования, известность которого выходила далеко за пределы сферы учительской деятельности, Дмитрий Иванович Тихомиров (1844–1915). Дружинин сотрудничал с приложением «Педагогический листок», публикуясь и в конкурирующих журналах, таких как «Русская школа» и «Образование». Несколько его статей, написанных в конце 1890-х гг., непосредственно посвящены вопросу популяризации права²⁰. В 1902 г. Дружинин опубликовал у выдающегося московского книгоиздателя Ивана Дмитриевича Сытина «Азбуку законоведения». Данная брошюра с цветной обложкой продавалась по цене 10 копеек²¹. На самом деле, речь идет об отдельном издании текста, извлеченного из «Книги взрослых», имевшей большой успех

ства» и «Отдел сельского хозяйства, технологии и ремесел». Последние две из этих новых рубрик наиболее значимы (соответственно 7 и 6 % отобранных названий).

¹⁷ О функционировании этих институтов см.: Иван Столяров. Записки русского крестьянина: *récit d'un paysan russe / Préf. par V. Kerblay ; éd. par V. Stoliaroff et A. Berelowitch.* – Paris : Institut d'études slaves, 1986.

¹⁸ Дружинин упоминает об этом в автобиографии, датированной 13 февраля 1926 г. и сохранившейся в его архиве. См.: Российская национальная библиотека [РНБ]. Отдел рукописей [ОР]. Ф. 266. Н. П. Дружинин. Д. 1 («Автобиография Дружинина в Государственную Академию Художественных наук (ответ на анкету Академии)»). Л. 17.

¹⁹ Как следует из письма Алчевской Дружинину, датированного 22 марта 1904 г. См.: РНБ. ОР. Ф. 266. Д. 207. Л. 22–22об.

²⁰ Дружинин Н. П. О преподавании и популяризации права // *Русская школа.* – 1897. – № 9–10. – С. 252–273 ; *его же.* О гражданском воспитании // *Образование.* – 1898. – № 9. – С. 51–55 ; *его же.* Учебник права и морали для английских начальных школ // *Педагогический листок.* – 1899. – № 4. – С. 414–434 ; *его же.* Значение и цели преподавания законоведения // *Русская школа.* – 1900. № 5–6. – С. 237–254.

²¹ Дружинин Н. П. *Азбука законоведения.* – М. : Тип. Т-ва И Д. Сытина. Издание Харьковской частной женской воскресной школы, 1902. – 48 с.

в области просвещения взрослого населения Российской империи. Это своего рода прогрессивный учебник, состоящий из трех томов, в котором чередуются художественные тексты для чтения и статьи, дающие необходимый минимум базовых знаний из различных наук (ботаника, математика, физика, химия, география, этнография, история...). Он был задуман составителями сборника «Что читать народу?», Х. Д. Алчевской и ее коллективом. В то время «Книга взрослых» считалась «энциклопедией для народа». Дружинин принял участие в подготовке тома, который предназначался наиболее продвинутым ученикам школ для взрослых (третий год обучения). Прделанная им работа получила высокую оценку в брошюре, изданной около 1900 г. на французском языке, чтобы представить иностранным читателям «Книгу взрослых». Там отмечается, что в разделе, посвященном «основным принципам права и законодательства», содержатся «статьи <...> талантливого популяризатора, прославившегося в России серией публикаций на правовую тематику, адресованных широкой аудитории»²².

Труды, критический обзор которых Дружинин, в свою очередь, делает на страницах того же третьего тома сборника «Что читать народу?», можно разделить на две группы. Речь идет либо о публикациях одного автора у того же самого или нескольких издателей, либо о сборниках работ, написанных разными авторами, но изданных одним и тем же издателем. В первой группе самым серьезным конкурентом Дружинина является юрист, публицист и видный деятель российской интеллектуальной и политической жизни того времени Виктор Александрович Гольцев (1850–1906), поскольку с 1885 г. он фактически возглавлял «Русскую мысль», московский журнал умеренно-либерального направления. Гольцев, как и Дружинин, публиковал в «Педагогическом листке» статьи о популяризации права, впоследствии переизданные в виде брошюр редакциями журналов «Детское чтение» и «Педагогический листок» в серии «Учительская библиотека»²³.

Среди издателей книг, популяризирующих право, в подборке 1906 г. фигурируют два важных имени. Речь идет о К. И. Тихомирове, московский издательский дом которого был основан в начале 1890-х гг. и специализировался на популярной литературе, особенно иллюстрированных брошюрах по агрономии, ботанике, ветеринарии и ремеслам. Что касается включенных в каталог названий изданий, посвященных правовой тематике, то данный издательский дом переиздавал и обновлял серию из десяти брошюр, по шесть копеек каждая, написанных еще в 1880-х гг. Николаем Блиновым, в которых освещались ежедневные приключения сельского старосты и превозносилась деятельность должностных лиц сельского общества. Наконец, вторую группу образует серия «Общедоступная библиотека правоведения», издававшаяся Обществом распространения полезных книг, находившимся под покровительством императора. В 1906 г. она насчитывала только пять наименований брошюр, по пять копеек каждая. Научное руководство серией осуществлял преподаватель Демидовского юридического лицея (Ярославль), где

²² Abramoff Y. Le livre des adultes et le milieu dans lequel il a été rédigé, traduit du russe par E. Leprière. – Paris : C. Delagrave, s.d. – P. 30. Эта брошюра была переведена на английский язык: Abramoff Y. The book for adults and the surroundings which inspire it, translated from the French by Madame Auguste Serrailier. – Paris : Delagrave, 1900. Ее автор – Яков Васильевич Абрамов (1858–1906), публицист, реформатор народничества, сторонник «теории малых дел», выступал за нетеропливое, спокойное и деполитизированное просвещение народа.

²³ Например, Гольцев В. А. Правоведение в начальной школе // Педагогический листок. – 1895. – № 2. – С. 47–50. В 1899 г. на страницах всех восьми номеров журнала «Педагогический листок» публиковались его статьи из серии «О популяризации правоведения». Впоследствии они были изданы отдельной брошюрой (см.: Гольцев В. А. Основные понятия о правоведении (элементарный очерк). – М. : Изд. ред. журналов «Детское чтение» и «Педагогический листок», 1900. 70 с.). Следуя той же схеме, в 1900–1901 гг. в том же журнале выходит серия статей «Беседы о правоведении», которые затем выпускаются тем же издательством отдельной брошюрой «Уголовное право и уголовный суд» (1901. 67 с.).

также работало несколько авторов. Во всяком случае, здесь не прослеживается никакой издательской политики, так как серия включает в себя без всякой системы брошюры о «законе» вообще²⁴, о Государственном совете и еще три об институтах российского гражданского права (условия продажи и покупки имущества, опека и попечительство, наследование). Источники вдохновения для этой серии брошюр явно официальные.

Определить тираж подобных публикаций не всегда легко. Так, Иван Дмитриевич Сытин, который в начале XX столетия доминировал на книжном рынке с популярной художественной литературой и календарями, не вел точного учета тиражей своей продукции, а пользовавшиеся спросом издания просто перепечатывались, когда заканчивались на складе. Однако количество пронумерованных переизданий признается многими сравнительно надежным показателем успеха, по крайней мере для того времени. Чаще всего при переиздании текст сохранялся прежним, но иногда в макет вносились правки и даже менялось название. В связи с этим брошюры Дружинина, Гольцева и Блинова, многие из которых написаны в конце 1880-х – начале 1890-х гг., продолжали переиздаваться спустя десятилетие, иногда другим издателем.

Тем не менее структура нового сектора издательской деятельности заставляет усомниться в подлинно «народном» характере популярных изданий по праву. Интеллектуальная деятельность авторов, особенности сети издательств и условия публикации популяризаторских материалов, скорее, свидетельствуют о том, что особое внимание уделялось «общественности»: учителям и преподавателям, прежде всего тем, кто работал в школах, финансировавшихся земствами. Среди них успели хорошо зарекомендовать себя издания журнала «Педагогический листок». Деловая переписка Дружинина свидетельствует о его активном сотрудничестве с данным издательством, по крайней мере до начала 1906 г. К тому моменту он опубликовал там 16 книг (иногда последовательно две с одним и тем же названием), практически каждую тиражом 3 600 экземпляров²⁵. Эти цифры уступали тиражам изданий, предназначенных для «народного» чтения.

Разумеется, некоторые общедоступные брошюры по правовой тематике публиковались издателями, имевшими богатый опыт на рынке «массовой» литературы. Гольцев – автор двух брошюрок, опубликованных в серии «Дешевые издания» товарищества И. Д. Сытина, наиболее авторитетного среди широких слоев населения городов и сельской местности. Так, брошюра «Что такое подати и для чего их собирают?», впервые опубликованная в 1887 г. в издательстве журнала «Русская мысль», выдержала в 1903 г. пятое издание (36 страниц карманного формата), на которое Сытин установил цену три копейки²⁶. Впрочем, даже в этом случае продолжала действовать система надзора: на издании стоит гриф Ученого комитета Министерства народного просвещения «Допущено» к обращению в бесплатных народных читальнях и для публичного чтения в «народной» аудитории.

Между тем круг читателей, способных обеспечить популяризаторским брошюрам относительно долгую жизнь на книжном рынке, первоначально, по крайней мере до 1905 г., формировался из посредников и консультантов всех видов, таких как учителя земских школ, руководители библиотек или читальных залов. Упоминания о «народном», «общедоступном» или «для широкой публики» характере популяризаторской литературы были прежде всего коммерческим приемом

²⁴ Палиенко Н. И. О законе. – М. : Тип. О-ва распротр. полез. кн., 1903.

²⁵ РНБ. ОР. Ф. 266. Д. 11. Л. 14.

²⁶ Добавим, что в том же году Сытин издает вторую брошюру Гольцева в той же серии и устанавливает на нее ту же цену (см.: Гольцев В. А. Что такое казна и казенные деньги? – М. : Тип. Т-ва И. Д. Сытина, 1903).

авторов и издателей, рассчитанном на ту наименее привилегированную часть интеллигенции, которая острее чувствовала свою близость к «народу», поскольку зачастую только недавно вышла из него.

Подчеркнем, что Дружинин, Гольцев и другие авторы только вскользь упоминали в теоретических статьях, посвященных популяризации права, о той аудитории, к которой следовало обращаться, и довольствовались общими рассуждениями о «литературе для народа». Если в этих статьях и содержится критика реализации проекта популяризации или поддерживаемой концепции права, то в них редко оспаривается идея о том, что народ является конечным получателем научно-популярной литературы. В 1897 г. Дружинин выражает сомнения относительно целесообразности обращения непосредственно к читателю, только что освоившему грамоту: «Между прочим, популяризация права едва ли должна быть, в особенности ныне, направляема, главным образом, в сторону предоставления соответствующих пособий народу, грамотному люду. И образованные классы не обладают еще у нас в желаемой степени юридическими знаниями и не располагают соответствующими пособиями. Оттого и для них не доступна богатая юридическая литература, отечественная и иностранная; оттого и они сами, соприкасаясь с народом непосредственно, не могут вносить в его среду в желаемой мере юридические понятия и сведения. Желательно поэтому, чтобы популяризация права была направляема также, и пока даже преимущественно, в сторону удовлетворения потребности в ней образованных классов»²⁷.

Но почти сразу Дружинин противоречит самому себе, рекомендуя использовать разговорный язык и форму диалога для написания популярных книг по правовой тематике с целью сделать их доступными для широкого круга читателей²⁸. Одержимость образом «народа» в дискурсе популяризации права того времени практически не вызывает сомнений. Однако если идея предоставления всему населению Российской империи доступа к правовым знаниям повсеместно обсуждается, то и само содержание дискурса о праве становится предметом споров.

Популяризовать право, но какое?

В Российской империи, где запрещалось создание любых политических партий, период, предшествующий революции 1905 г., отмечен объединением различных групп т. н. либеральной оппозиции. Они становились всё менее и менее неформальным «освободительным движением» и вскоре образовали нелегальную организацию «Союз освобождения», призывавшую к мирной замене российского самодержавного режима системой конституционной демократии²⁹. Вопросы о праве, его основаниях и функциях в обществе стали важнейшими пунктами программы «освободительного движения». Кроме того, многие его наиболее активные и видные деятели имели юридическое образование и работали адвокатами (присяжными поверенными) или преподавателями университетов. Одним из самых влиятельных органов «освободительного движения» стала еженедельная юридическая газета «Право», издававшаяся с 1898 г. в Санкт-Петербурге. Членами ее редакционного комитета были некоторые наиболее выдающиеся российские

²⁷ Дружинин Н. П. О преподавании ... С. 270.

²⁸ О языковом регистре, используемом в этих изданиях, и об отношении их авторов к своим читателям см. подробнее: Tissier M. Legal literature “for the people” and the use of language (late nineteenth and early twentieth century) // *Public Debate in Russia. Matters of (Dis)order* / ed. by N. Vakhtin, B. Firsov. – Edinburgh : Edinburgh University Press, 2016. – P. 85–100. Русский перевод: Тисье М. Литература правовой популяризации и употребление языка (конец XIX – начало XX века) // «Синдром публичной немоты»: история и современные практики публичных дебатов в России / отв. ред. Н. Б. Вахтин, Б. М. Фирсов. М. : Новое литературное обозрение, 2017. С. 92–113.

²⁹ Об истории этого движения см., в частности: Galai S. *The Liberation Movement in Russia 1900–1905*. – Cambridge : Cambridge University Press, 1973.

юристы – практики и философы³⁰. В данной газете публиковались как теоретические статьи о праве, так и комментарии по поводу деятельности правительства, содержавшие, несмотря на цензуру, весьма смелую критику проявлений царского «произвола».

Представители этих кругов проявляли интерес к составлению сборника работ, популяризирующих «право» среди российской общественности. При этом авторитетные популяризаторы могли поддерживать достаточно тесные связи с «освободительным движением». Тот же Гольцев в конце 1870-х гг. принимал активное участие в земском движении, которое стало своего рода предшественником освободительного движения. Возглавляя московский журнал «Русская мысль», он сохраняет определенную ауру в либеральных кругах начала XX в., тем более что ему в прошлом пришлось терпеть гонения со стороны властей. Другой пример: Николай Платонович Карабчевский, один из основателей газеты «Право», известный адвокат того времени, участвовал в создании еженедельного журнала «Юрист», издававшегося в Санкт-Петербурге с 1902 г. и предназначенного для «широкой аудитории», с которым регулярно сотрудничал Дружинин. Авторы журнала, конечно, не претендовали на то, чтобы заинтересовать сельское население, но стремились внести свой вклад в распространение правовых знаний. В первом номере анонимный автор редакционной статьи ссылаясь на популярные брошюры о праве, пользовавшиеся тогда, по его словам, большим успехом³¹. При этом он призывал соотечественников осознать, что право в их повседневной жизни занимает такое же место, как и проза в жизни персонажа комедии Мольера «Мещанин во дворянстве».

Вместе с тем, несмотря на общую поддержку и принципиальное признание важности популяризации правовых знаний, содержание брошюр не вызывало единодушного одобрения. Их серьезная критика начинается со статьи «Юридическая литература для народа: опыт критического анализа», опубликованной на страницах газеты «Право» ее фактическим редактором Иосифом Владимировичем Гессеном (1865–1943) в конце 1901 г.³² Гессен не оспаривает здесь ни полезности работы по популяризации права, ни целесообразности распространения брошюр для ее осуществления. Однако практически все брошюры, издававшиеся в то время, оцениваются им крайне низко, включая написанные Дружининым и даже Гольцевым, если называть самые известные имена. От иронического взгляда Гессена не ускользают любые неточности и ошибки разных авторов, но основной упрек, который он делает всей юридической литературе «для народа», – никогда не ставя под сомнение выбор адресата, – касается фундаментальной концепции права. Вместо попыток сжатого или подробного изложения положений российского позитивного права, гражданского или уголовного, в популярных брошюрах следует разъяснять читателю само понятие права, подчеркивая не только его культурное, но и нравственное значение для общества и каждого человека: «И прежде всего нужно, конечно, внедрить в сознание, что в общественной жизни действительно существует право как могучий культурный фактор; нужно выяснить роль этого фактора и открыть глаза на то, что каждый обитатель Российской Империи, которая, за силой 47 ст. зак. осн.³³, должна управляться на строгом ос-

³⁰ См.: Walicki A. *Legal Philosophies of Russian Liberalism*. – Notre Dame : University of Notre Dame Press, 1992. – P. 220–221.

³¹ По закону // Юрист. – 1902. – 3 нояб. – С. 2.

³² Гессен И. В. Юридическая литература для народа (опыт критического анализа) // Право. – 1901. – № 47. – С. 2035–2049 ; № 48. – С. 2089–2101; № 49. – С. 2164–2173. Впоследствии данная статья была издана в Санкт-Петербурге в виде одноименной брошюры (1902 г.).

³³ Имеется в виду ст. 47 Основных Законов (изд. 1892 г.), согласно которой «Империя Российская управляется на твердых основаниях положительных законов, учреждений и уставов, от Самодержавной Власти исходящих».

новании законов, есть субъект права, которое он не только в своих, но и в общих интересах обязан оберегать»³⁴.

Гессен излагает свою идею права и определяет основополагающее понятие субъективных прав, комментируя две недавно изданные брошюры, направленность которых он одобряет. Самое примечательное то, что данные брошюры относятся не к изданиям, популяризирующим право в строгом смысле слова, а к историческими повествованиям. Первая из них посвящена истории крепостного права в России³⁵, а вторая – истории Англии³⁶. Они обе представляются Гессену способствующими «пробуждению и укреплению правосознания» читателей³⁷. Он следующим образом объясняет полезность брошюры по истории Англии: «Автор излагает [историю Англии]... с точки зрения внутренней и внешней борьбы, какую пришлось пережить английскому народу, прежде чем он добился современного положения. Он приходит к выводу, что народ достиг всего своими собственными, настойчивыми и непрерывными усилиями, которых не могли сломить ни сила, ни коварство и хитрость. История этой борьбы дает автору возможность попутно касаться весьма важных вопросов права – разделения властей (с. 147), основных начал судостроительства (с. 130), свободы личности (с. 158), свободы совести, которую “во всем свете людям пришлось завоевать силой” (с. 68), взаимных отношений должностных лиц (с. 160) и т. д.»³⁸.

Итак, политический характер критических замечаний, высказанных Гессеном по поводу того, как популяризация права осуществлялась на тот момент в Российской империи, становится очевидным. По мнению Гессена и значительной части освободительного движения, не может быть и речи о поддержке такой популяризации правовых знаний, которая ограничивается разъяснением положений действующего права и порядка его реализации (например, согласно Основным законам, упоминаемым Гессеном), поскольку она неявно призывает соблюдать законы, порицаемые «освободительным движением» за пренебрежение к личным правам. Критика осуществления популяризации права в России начала XX в., как ни парадоксально, исходила от юристов уровня Гессена – признанных специалистов в различных областях позитивного права³⁹. На самом деле, этот кажущийся парадокс объясняется тем, что тогда в российском и международном правовых сообществах шла оживленная дискуссия о происхождении права. Российские либеральные юристы разделились на приверженцев доктрины естественного права и адептов социологических или психологических правовых теорий. Однако доминирующим направлением со временем становится критика немецкой традиции легального позитивизма, господствовавшей в XIX столетии⁴⁰. Поскольку стремление популяризаторов ознакомить широкую аудиторию с российским законодательством и судебной практикой начала XX в. воспринималось сторонниками данного направления как продолжение критикуемой ими немецкой традиции, оно не находило у них поддержки.

³⁴ Гессен И. В. Юридическая литература для народа ... С. 2171.

³⁵ Князьков С. Как сложилось и как пало крепостное право. Исторический очерк / под ред. А. А. Кизеветтера. – СПб. : Т-во «Печатня С. П. Яковлева», 1900.

³⁶ Быкова А. Ф. Рассказы из истории Англии XI–XIX века. – СПб. : Типо-лит. А. А. Лейферта, 1899 (Гессен указывает неправильный год издания и неполное название этой книги).

³⁷ «Хотя эти книги и не входят непосредственно в намеченную нами область, но их нельзя не отметить с чувством живейшей симпатии: в них, именно, светится та мысль, которая может быть путеводной звездочкой к пробуждению и укреплению правосознания» (см.: Гессен И. В. Юридическая литература для народа ... С. 2171).

³⁸ Там же.

³⁹ Так, Гессен был специалистом по семейному праву.

⁴⁰ См.: Walicki A. Op. cit. P. 213–217. См. также недавно опубликованную статью: Токарев В. А. К вопросу о концепциях субъективных публичных прав в российской юридической науке начала XX в. // Труды Института государства и права РАН. – 2020. – Т. 15, № 4. – С. 62–80.

Таким же образом выражал негативное отношение к популяризации правовых знаний, практиковавшейся Дружининым до 1904–1905 гг., юрист Ширяев, специалист по уголовному праву: «Г. Дружинин тщательно изучил действующее законодательство и внимательно следит за его изменениями, отмечая последние в каждом новом издании своих работ, а общим недостатком, или пробелом, – отсутствие критического освещения излагаемого материала и как бы преклонение перед положительным правом». Он добавляет: «Подобная, на наш взгляд ничем не оправдываемая, вера в спасительную силу действующего закона проникает все работы г. Дружинина; в читателе же такое отношение к положительному законодательству, при отсутствии критического освещения и материала для сравнения, способно породить не вполне правильное и соответствующее действительности представление о правовом строе России»⁴¹.

Ширяев оценивает здесь только брошюры Дружинина. Но, как и у Гессена, его критика, на самом деле, относится к популяризации права в том виде, как она осуществлялась практически всеми авторами вплоть до 1905 г. Только в революционном контексте 1905–1906 гг. роль популяризации права меняется⁴². Следуя всеобщему желанию преобразовать российское общество, новая литература о праве, адресованная народу, уже не может ограничиться описанием правовой системы империи. Напротив, в ней развивается мысль о согласовании права с политическим проектом для России. Действительно, популяризаторские брошюры нового поколения, знакомя читателей с правом в целом, уже не принимают за основу российское позитивное право. Скорее, оно дискредитируется. Вместе с тем превозносится идея воплощения в праве универсального требования справедливости. Именно этим объясняется выход на первый план вопроса о личных свободах⁴³. Соответственно, российский правовой опыт, накопленный к тому времени, становится контрмоделью, а примерами для подражания – только те западные страны, история которых призвана проиллюстрировать «прогресс» права.

Заключение

Еще до 1905 г. возник вопрос об издательской модели популяризации права, осуществлявшейся с 1890-х гг. несколькими специализированными издательствами и, как правило, не имеющими юридического образования авторами. Первоначальная модель популяризации права подверглась критике со стороны общественных деятелей, которые, с одной стороны, гораздо лучше разбирались в правовых вопросах, а с другой – принимали активное участие в политической борьбе, где определение «права» становилось первостепенной задачей. После революции 1905 года новая литература для «народа» распространяется в условиях многократного увеличения спроса и ослабления цензуры. Разумеется, она отражает политические изменения в стране. Так, во многих брошюрах повторяются требования личных свобод и политических прав как эффективного средства развития «правосознания».

Появление этой темы стало победой критиков модели распространения правовых знаний, чрезмерно ориентированной на действующее имперское законодательство. Новые авторы постараются разъяснить не только понятие права, но прежде всего тот факт, что русские обладают правами. Поэтому, популяризируя

⁴¹ Что читать народу? Критический указатель книг для народного и детского чтения / сост. Х. Д. Алчевская и др. – Т. III. – СПб. : Тип. Т-ва «Общественная польза», 1906. – С. 471–472.

⁴² См.: Тисье М. Какое юридическое просвещение нужно в России? Переход от популяризации права к популяризации гражданских прав около 1905 года // Неприкосновенный запас. – 2005. – № 6 (44). – С. 57–63.

⁴³ См. подробнее: Edmondson L. Was there a Movement for Civil Rights in Russia in 1905? // Civil Rights in Imperial Russia / ed. by O. Crisp, L. Edmondson. – Oxford : Clarendon Press, 1989. – P. 263–285.

право, они открыто и решительно смешивают юридические вопросы с политическими. Самый плодовитый из первых популяризаторов, Дружинин, попытается адаптироваться к изменившейся обстановке, издавая брошюры о народном представительстве, правах человека и гражданина. Его издатель, выпускающий журнал «Педагогический листок», не экономил на рецензиях и рекламе, привлекая внимание читателей к новым и старым брошюрам. Однако распространение его продукции замедлилось⁴⁴. С одной стороны, в конфликтный период 1905–1917 гг. дискурс, ориентированный на массы, как и общественная дискуссия в целом, концентрируется на связи политических и правовых вопросов. С другой стороны, цель воздействия на массы, по-видимому, остается недостижимой для авторов популяризаторской литературы. Ее распространение возобновляется сразу после Февральской революции 1917 года, но без особых результатов⁴⁵.

Литература

1. Abramoff Y. Le livre des adultes et le milieu dans lequel il a été rédigé, traduit du russe par E. Leprêtre. – Paris : C. Delagrave, s.d. – 75 p.
2. Between Tsar and People. Educated Society and the Quest for Public Identity in Late Imperial Russia / ed. by Ed. W. Clowes, S. D. Kassow, J. L. West. – Princeton : Princeton University Press, 1991. – XVI, 383 p.
3. Brooks J. When Russia Learned to Read. Literacy and Popular Literature, 1861–1917. – Princeton : Princeton University Press, 1985. – XXI, 450 p.
4. Burbank J. Litiges civils et société dans la Russie rurale des années 1905–1917 // *Genèses*. – 2003. – No. 50. – P. 24–49.
5. Burbank J. Russian Peasants Go to Court: Legal Culture in the Countryside, 1905–1917. – Bloomington (Ind.) : Indiana University Press, 2004. – XXIV, 374 p.
6. Burbank J., Ingerflom Cl. Paysans et intellectuels en Russie // *Études rurales*. – 1999. – No. 149–150. – P. 173–180.
7. Edmondson L. Was there a Movement for Civil Rights in Russia in 1905? // *Civil Rights in Imperial Russia* / ed. by O. Crisp, L. Edmondson. – Oxford : Clarendon Press, 1989. – P. 263–285.
8. Eklof B. Russian Peasant Schools. Officialdom, Village Culture, and Popular Pedagogy, 1861–1914. – Berkeley : University of California Press, 1986. – XVI, 652 p.
9. Ferenczi C. Freedom of the Press under the Old Regime, 1905–1914 // *Civil Rights in Imperial Russia* / ed. by O. Crisp, L. Edmondson. – Oxford : Clarendon Press, 1989. – P. 191–214.
10. Frierson C. A. Rural Justice in Public Opinion: The *Volost'* Court Debate, 1861–1912 // *Slavonic and East European Review*. – 1986. – Vol. 64, No. 4. – P. 526–545.
11. Galai S. The Liberation Movement in Russia 1900–1905. – Cambridge : Cambridge University Press, 1973. – X, 325 p.
12. Gaudin C. Les *zemskie načal'niki* au village: coutumes administratives et culture paysanne en Russie, 1889–1914 // *Cahiers du monde russe*. – 1995. – Vol. 36, No. 3. – P. 249–272.
13. Tissier M. Legal literature “for the people” and the use of language (late nineteenth and early twentieth century) // *Public Debate in Russia. Matters of (Dis)order* / ed. by N. Vakhtin, B. Firsov. – Edinburgh : Edinburgh University Press, 2016. – P. 85–100.

⁴⁴ Как показывает сравнение расчетов между издательством и автором в начале 1906 г. (РНБ. ОР. Ф. 266. Д. 11. Л. 14), феврале 1908 г. (Там же. Д. 536. Л. 2-2об) и ноябре 1913 г. (Там же. Д. 83. Л. 1). Кроме того, Дружинин вступил в Конституционно-демократическую партию, образованную во время революции 1905 года, видными деятелями которой были профессиональные юристы Гессен и Ширяев, критиковавшие его работу по распространению правовых знаний.

⁴⁵ См.: Тисье М. Кризис либеральной правовой культуры России после 1905 года: «педагогика свобод» и юридическое просвещение // *Вестник Гуманитарного университета*. – 2020. – № 1 (28). – С. 40–60.

14. Tissier M. Malaise dans la culture juridique libérale en Russie après 1905: « pédagogie des libertés » et éducation au droit // Cahiers du Monde russe. – 2007. – Vol. 48, No. 2-3. – P. 185–208.
15. Walicki A. Legal Philosophies of Russian Liberalism. – Notre Dame : University of Notre Dame Press, 1992. – X, 477 p.
16. Быкова А. Ф. Рассказы из истории Англии XI–XIX века. – СПб. : Типо-лит. А. А. Лейферта, 1899. – 264 с.
17. Гессен И. В. Юридическая литература для народа (опыт критического анализа) // Право. – 1901. – № 47. – С. 2035–2049 ; № 48. – С. 2089–2101 ; № 49. – С. 2164–2173.
18. Гольцев В. А. Основные понятия о правоведении (элементарный очерк). – М. : Изд. ред. журналов «Детское чтение» и «Педагогический листок», 1900. – 70 с.
19. Гольцев В. А. Правоведение в начальной школе // Педагогический листок. – 1895. – № 2. – С. 47–50.
20. Гольцев В. А. Уголовное право и уголовный суд. – М. : Изд. ред. журналов «Детское чтение» и «Педагогический листок», 1901. – 67 с.
21. Гольцев В. А. Что такое казна и казенные деньги? – М. : Тип. Т-ва И. Д. Сытина, 1903. – 35 с.
22. Грин Ц. И. Статья Н. А. Рубакина «Книжный поток» и ее значение для изучения истории книги в России // Книжное дело в России во второй половине XIX – начале XX века : сб. науч. трудов. – 1992. – Вып. 6. – С. 7–19.
23. Дружинин Н. П. Азбука законоведения. – М. : Тип. Т-ва И Д. Сытина. Издание Харьковской частной женской воскресной школы, 1902. – 48 с.
24. Дружинин Н. П. Значение и цели преподавания законоведения // Русская школа. – 1900. – № 5-6. – С. 237–254.
25. Дружинин Н. П. О гражданском воспитании // Образование. – 1898. – № 9. – С. 51–55.
26. Дружинин Н. П. О преподавании и популяризации права // Русская школа. – 1897. – № 9-10. – С. 252–273.
27. Дружинин Н. П. Учебник права и морали для английских начальных школ // Педагогический листок. – 1899. – № 4. – С. 414–434.
28. Иван Столяров. Записки русского крестьянина: récit d'un paysan russe / Préf. par V. Kerblay, éd. par V. Stolaroff et A. Berelowitch. – Paris : Institut d'études slaves, 1986. – 202 p.
29. Князьков С. Как сложилось и как пало крепостное право. Исторический очерк / под ред. А. А. Кизеветтера. – СПб. : Т-во «Печатня С. П. Яковлева», 1900. – 123 с.
30. Люблинский С. Б. Книжное дело в годы первой русской революции (1905–1907 годов). – М. : Книга, 1974. – 31 с.
31. Новиков А. И. Записки земского начальника. – СПб. : Тип. М. М. Стасюлевича, 1899. – 25, VIII, 240 с.
32. Палиенко Н. И. О законе. – М. : Тип. О-ва распротр. полез. кн., 1903. – 48 с.
33. По закону // Юрист. – 1902. – 3 нояб. – С. 1–6.
34. Рубакин Н. А. Книжный прилив и книжный отлив // Современный мир. – 1909. – № 12. – С. 1–25.
35. Тисье М. Какое юридическое просвещение нужно в России? Переход от популяризации права к популяризации гражданских прав около 1905 года // Неприкосновенный запас. – 2005. – № 6 (44). – С. 57–63.
36. Тисье М. Кризис либеральной правовой культуры России после 1905 года: «педагогика свобод» и юридическое просвещение // Вестник Гуманитарного университета. – 2020. – № 1 (28). – С. 40–60.
37. Тисье М. Литература правовой популяризации и употребление языка (конец XIX – начало XX века) // «Синдром публичной немоты»: история и современные практики публичных дебатов в России / отв. ред. Н. Б. Вахтин, Б. М. Фирсов. – М. : Новое литературное обозрение, 2017. – С. 92–113.
38. Токарев В. А. К вопросу о концепциях субъективных публичных прав в российской юридической науке начала XX в. // Труды Института государства и права РАН. 2020. – Т. 15, № 4. – С. 62–80.

39. Что читать народу? Критический указатель книг для народного и детского чтения / сост. Х. Д. Алчевская и др. – Т. I. – СПб. : Тип. Т-ва «Общественная польза», 1884 (2-е изд. 1888) ; Т. II, 1889 ; Т. III, 1906.

Michel Tissier,

a specialist in Modern History, Associate Prof.
at the University of Rennes 2 (France)

**The Law for the People: The Popularization of Law in Russia
at the Turn of the XXth Century**

Abstract. The article deals with the instruments to popularize the law in Russia at the turn of the XIX-XX centuries. The author reveals the reasons for the interest of the educated segments of society in the dissemination of legal knowledge among the broad masses. The author draws specific attention to how a previously unknown publishing sector appeared around several prominent popularizers and publishers. At the same time, he emphasizes both internal contradictions and external limitations of educational activities in the Russian Empire. According to the author, the lack of legal education of many authors, on the one hand, and the pressure of government censorship in various forms, on the other, led to the predominance in the book market of brochures containing explanations of the provisions of current legislation and judicial practice without critical analysis. In addition, this approach left out questions about the concept of law and human rights. It resulted in criticism expressed by predominantly liberal leading lawyers, who developed the notion of law and determined its place in Russian society. At the same time, they combined political and legal issues in the discourse of personal rights and freedoms.

Keywords: popularization; intelligentsia; publishing house; brochure; legal awareness; rights; freedoms; political party; revolution